

Мнение Хейердала о том, что целый народ (или его остатки) переселился из Америки в Полинезию, представляет собой совершенно необоснованную гипотезу, не подкрепленную ни одним убедительным доказательством.

Несмотря на то, что в книге «Аку-аку» нет никакой новой убедительной аргументации в пользу уже известных взглядов Хейердала, некоторые советские авторы восприняли эту книгу как последнее слово науки в области океанистики и американистики. Эти авторы считают необоснованные гипотезы Хейердала общепризнанными научными истинами и даже начали широкую популяризацию их на страницах массовой печати. Например, Л. Жданов в статье «Хейердал видел это сам»⁶⁰, не дав себе труда взглянуть хотя бы в самые популярные работы по острову Пасхи, излагает взгляды Хейердала как последнее слово науки. Такую практику нельзя признать нормальной.

Н. Бутинов, Р. Кинжалов, Ю. Кнорозов

АНТРОПОЛОГИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

М. Г. Левин. *Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока*. Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XXXVI, Труды Северо-восточной экспедиции, II, М., 1958, 357 стр.

В основу рецензируемого труда положены обширные антропологические материалы, собранные лично его автором в разных районах Сибири и Дальнего Востока, результаты лабораторных краниологических исследований автора, обширная антропологическая литература, представленная в книге списком, содержащим около 530 названий на русском и иностранных языках, а также некоторые неопубликованные материалы по антропологии, хранящиеся в архивах Научно-исследовательского института антропологии (сборы А. Н. Покровского, А. М. Золотарева) и Института этнографии АН СССР (соматические и краниологические материалы Г. Ф. Дебеца и Н. Н. Чебоксарова). Кроме того, автор имел возможность привлечь некоторые археологические неопубликованные данные А. П. Окладникова, а также этнографические материалы по народам Амура из архивов Института этнографии АН СССР, находящихся в Москве и Ленинграде.

Книга М. Г. Левина содержит, помимо введения и заключения, пять глав, посвященных следующим основным проблемам: расовым классификациям и основным этапам антропологического изучения народов Северной Азии; анализу антропологического состава и происхождения народов Нижнего Амура и Сахалина; происхождению тунгусов; этногенетическим проблемам населения Северо-Востока Азии в свете данных антропологии; наконец, айнской проблеме. В приложении рассматриваются антропологические типы корейцев и японцев.

Работа посвящена одной из интереснейших для этнографа и антрополога областей Азии, где скрещиваются вопросы этногенеза народов юго-восточной части азиатского материка, Сибири, далекого Севера, включая американскую Арктику.

Следует особо отметить, что М. Г. Левин является первым советским антропологом, да и первым антропологом в России, лично изучавшим айнов, что придает особый интерес пятой главе его книги.

Вполне естественно, что в книге, объединяющей этническую антропологию с проблемами этногенеза, автор должен был изложить свои общие воззрения на методы использования антропологического материала в качестве исторического источника. Это и сделано им во Введении (стр. 5—12), где читатель знакомится как с методологическими позициями советской антропологии в проблеме соотношения расы и этноса, так и с вопросами классификации народов по особенностям их культуры. Большую ценность представляет отчетливое и ясное изложение обоснованных автором совместно с Н. Н. Чебоксаровым (1955) двух принципов этнографической классификации и их применения к народам Сибири. Один из наиболее существенных выводов автора состоит в том, что к одному хозяйственно-культурному типу могут принадлежать этнические группы, имеющие совершенно различное происхождение и разный антропологический состав. Наоборот, что касается историко-этнографических областей, то некоторая связь их границ с распространением антропологических типов их населения может сложиться в процессе исторического формирования этих областей.

В первой главе, посвященной основным этапам антропологического изучения народов Северной Азии, дается история антропологического изучения Сибири (стр. 13—27), приводится исторический обзор расовых классификаций (стр. 27—49) и рассматриваются основные принципы классификации (стр. 49—58).

⁶⁰ Журн. «Техника — молодежи», 1957, № 12.

Очерк истории антропологического изучения Сибири автор начинает с упоминания о трудах участников 2-й Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.) и с изложения программы-анкеты, составленной В. Н. Татищевым (1734, 1737 гг.), и заканчивает публикациями Г. Ф. Дебеца начала пятидесятих годов нашего столетия.

Обзор классификации рас автор начинает с Томаса Гексли и затем кратко излагает классификации монголоидных рас Топинара, Катрфажа, Деникера, Ивановского, Руджери, Гэддона, Монтандона, Эйкштедта, Биасутти. В этом обзоре автор с полным основанием говорит об очень большом положительном значении трудов Деникера оказавших влияние на всю дальнейшую разработку классификации рас Северной Азии. Интересны и убедительны критические замечания по поводу схем и принципов построения у значительной части упомянутых авторов.

Обзор, сделанный автором, пожалуй, следовало бы дополнить некоторыми более ранними опытами классификации североазиатских рас, например схемой Бори, вышедшего в 1827 г. в качестве отдельных видов *Homo scythicus* (монголы, киргизы и др.), *Homo sinicus* (китайцы, корейцы, японцы, сиамцы и др.) и *Homo hyperboreus* (лопары, самоеды, остяки, тунгусы, якуты, юкагиры). Некоторый интерес могло бы представить и упоминание о Демулене (1825), выделившем курильскую расу.

Вполне понятно, что М. Г. Левин более подробно анализирует развитие классификаций антропологических типов Северной Азии в трудах советских антропологов — Дебеца, Ярхо, Чебоксарова и др. В заключение этой главы автор анализирует основные принципы классификации, опираясь на выводы, сделанные ранее только что названными исследователями. Вместе с тем он вносит некоторые уточнения как в формулировки этих выводов, так и в их содержание. Так, автор указывает, что при классификации рас Северной Азии не следует отказываться от таких признаков, как толщина губ, развитие третичного волосяного покрова, жесткость волос. Далее он считает необходимым выделить особый антропологический тип — «амуро-сахалинский», занимающий своеобразное положение среди основных расовых типов Дальнего Востока и Сибири. М. Г. Левин справедливо предостерегает против переоценки морфологического сходства «американоидных» форм в Западной Сибири, с одной стороны, и на Северо-Востоке — с другой, учитывая при этом и различный генезис названных типов. В вопросе о происхождении уральской и южносибирской рас автор стоит на точке зрения, разделяемой большинством антропологов Советского Союза, согласно которой обе эти расы сложились в результате смешения монголоидных и европеоидных компонентов.

В главе второй, посвященной выделению антропологических типов и проблемам происхождения народов Нижнего Амура и Сахалина (стр. 58—135), М. Г. Левин последовательно излагает историю антропологического изучения названной области, затем дает анализ этногеографической дифференциации отдельных признаков (по материалам экспедиции 1947 г.), далее проводит сопоставление результатов, полученных по отдельным признакам, на основании чего переходит к выделению антропологических типов.

Автор убедительно показывает, исправляя некоторые представления, установившиеся в научной литературе, что в состав коренного населения Нижнего Амура и Сахалина входят, помимо айнского, два антропологических типа: байкальский и амуро-сахалинский. Достаточно характерными представителями первого типа могут считаться негидальцы и ороки; отчетливо выступают черты байкальского типа также среди орочей, нанайцев и ульчей. Амуро-сахалинский тип характерен для нивхов, но в качестве одного из компонентов имеется также в составе ульчей и отчасти орочей. М. Г. Левин с полным основанием уделяет подробно описанному им амуро-сахалинскому типу особое место в систематике рас Северной Азии. Каково же происхождение антропологического типа нивхов и как разрешаются с помощью антропологических и других данных основные вопросы их этногенеза? Отвечая на эти вопросы, М. Г. Левин дает критический анализ взглядов Л. А. Шренка и Л. Я. Штернберга. На основании серьезных аргументов, почерпнутых им из антропологических, этнографических и археологических источников, он показывает те трудности, с которыми сталкивается гипотеза Шренка о том, что первоначальной родиной гилаков был Сахалин, и гипотеза Штернберга о северном происхождении нивхов. Очень интересна и обоснованная интерпретация автором археологических фактов, представленных А. П. Окладниковым и М. В. Воробьевым по Приморью и Приамурью, а Р. В. Чубаровой — по Сахалину. В итоге автор приходит к выводу о том, что амуро-сахалинский антропологический тип сложился, по-видимому, в основном вследствие древнего контакта тихоокеанских и североазиатских вариантов монголоидной расы, что хорошо согласуется и с положением на карте области, занятой этим типом, и с фактами археологии, которые свидетельствуют о том, что культуры Приморья и Нижнего Амура по крайней мере со II тысячелетия до н. э. были связаны весьма тесно с культурами областей, лежащих к югу. По мнению М. Г. Левина, именно нивхи являются древними аборигенами территории, которую они занимают ныне, и их культура в наибольшей степени обнаруживает преемственность с неолитической культурой Амура. Весьма вероятно, что область их расселения в прошлом была более широкой. Очень возможно, что в своих легендах о тончах айны рисовали родственные нивхам племена. М. Г. Левин не отрицает примеси у нивхов айнского элемента. Пожалуй, следовало бы подкрепить это положение некоторыми чертами сходства в краниологии обоих типов.

Переходя к проблеме происхождения тунгусо-маньчжурских народов Амура и Са-

халина, автор знакомит читателя с различными классификациями тунгусо-маньчжурских языков и, опираясь на классификацию В. И. Цинциус, приходит к весьма интересному выводу о довольно значительном параллелизме между наличием северных (тунгусских) элементов в языке отдельных этнических групп и степенью выраженности в населении этих групп так называемого байкальского антропологического типа. Оказалось, что негидальцы — группа, наиболее близкая по языку к эвенкам, — обладают и наиболее отчетливо выраженными чертами байкальского типа. Следующее за ними место занимают ороки. Признаки байкальского типа обнаружались у орочей, ульей и нанайцев. Аналогичную картину представляют и данные этнографии. Эвенкские элементы прослеживаются в культуре всех тунгусо-маньчжурских групп Амура (например: нагрудник, лодки-берестянки, конический чум, определенная форма колыбели, особенности искусства). Однако особенно значительны они у негидальцев и у ороков. Наиболее близки к нивхам по своим культурным особенностям ульчи, которые и по антропологическим признакам сближаются с нанайцами и нивхами. Интересно, что наличие у нанайцев дальневосточного варианта монголоидной расы хорошо согласуется с данными истории, этнографии и языкознания, которые свидетельствуют о длительных связях нанайцев с населением Маньчжурии.

В главе третьей автор рассматривает проблему происхождения тунгусов (стр. 136—205), расчленив ее на следующие четыре раздела: антропологические типы тунгусов, антропологический тип юкагиров, антропологический тип древнего населения Прибайкалья и, наконец, этногенез тунгусов. После тщательного и разностороннего анализа М. Г. Левин приходит к выводу, что можно дать следующую общую схему распространения антропологических типов тунгусских групп. Байкальский тип отчетливо выражен у эвенков Прибайкалья и, по-видимому, Северной Якутии, у ламутов бассейна Колымы, Охотского побережья, Чукотки и Камчатки. У эвенков южных районов можно предполагать наличие центральноазиатского компонента.

Наконец, западные эвенки представляют своеобразный тип, сближающийся по одним признакам с бурятами, по другим — с ламутами, но отличающийся и от тех и от других сравнительно низким лицом; в целом тип западных эвенков весьма сходен с типом саянских оленеводов — тувинцев-тоджинцев и тофаларов, а также некоторых других групп Западной Сибири.

В относительно коротком, но содержательном втором разделе автор дает сравнительную характеристику антропологического типа юкагиров и, несмотря на малую изученность этой исключительно интересной группы, приходит к выводам, которые нам представляются достаточно убедительными. М. Г. Левин предполагает, что древнее юкагирское население обладало комплексом признаков байкальского типа и что ареал этого типа охватывал обширные пространства Северной Сибири. Серьезными аргументами в пользу этого предположения являются, с одной стороны, результаты исследований Б. О. Долгих, показавших чрезвычайно широкое в прошлом расселение юкагиров, с другой — огромное сходство черепов юкагиров и оленних тунгусов.

В третьем разделе главы, посвященном сложному вопросу об антропологическом типе древнего населения Прибайкалья, после подробного и углубленного анализа краеведческого материала автор приходит к выводу о том, что в составе неолитического населения Прибайкалья была европеоидная примесь. Главным аргументом в пользу этого положения являются более резко выраженные по сравнению с прибайкальцами монголоидные особенности неолитических черепов, найденных у дер. Фофаново на нижней Селенге, черепа глазковского времени из пещеры на р. Шилке и черепов, найденных к северу от Байкала (на берегу р. Бугачан и у селения Туой-хая на берегу р. Чоны, притока Вилуя). Другим важным подтверждением этого взгляда следует считать значительную корреляцию между таксономически важными признаками, дифференцирующими монголоидную и европеоидную расы, в серии черепов из Верхолесского могильника. Последний аргумент автора можно было бы усилить, указав, что полученные им коэффициенты корреляции выдерживают статистическое взвешивание их реальности. Придя к положительному решению о европеоидной примеси в составе древнего населения Прибайкалья, М. Г. Левин задает вопрос об источнике этой примеси и о пути ее проникновения. Автор и в этом случае не изменяет необходимой научной осторожности, диктуемой недостаточностью палеоантропологического материала. Предварительное решение вопроса рисуется ему в следующем виде. Нет оснований связывать европеоидный компонент в составе неолитического населения Прибайкалья с более древними обитателями этой области; можно предположить, что древние европеоидные группы проникли в Прибайкалье в эпоху, более раннюю, чем афанасьевская культура, из степных районов Юго-Западной Сибири.

Очень большой интерес представляет четвертый раздел третьей главы, рассматривающий историю разработки проблемы этногенеза тунгусов, данные антропологии, археологии, этнографии и языкознания. На основании этих исследований М. Г. Левин приходит к оригинальной и серьезно аргументированной гипотезе, сущность которой сводится к тому, что этнические группы, оставившие в Прибайкалье и на смежных территориях неолитические и энеолитические памятники, принадлежали не к тунгусам, а к «палеоазиатам», позднее ассимилированным тунгусоязычными племенами. Байкальский антропологический тип, по мнению М. Г. Левина, был характерен именно для этих палеоазиатских групп. С дотунгусским населением следует связывать и относительно

низколицый катангский вариант, характерный в настоящее время для западных эвенков. Область формирования древних тунгусских групп находилась, вероятно, по соседству с ареалами формирования тюрко- и монголоидных народов. Фактором, сыгравшим большую роль в широком расселении тунгусских племен по Сибири, было возникновение и развитие у них оленеводства, появившегося первоначально в горных районах Забайкалья — Приамурья под влиянием коневодства.

Не менее ярки и оригинальны главы: четвертая («Этногенетические проблемы на северо-востоке Азии в свете данных антропологии») и пятая («Айнская проблема»).

В четвертой главе рассмотрены антропологические типы северо-восточных палеоазиатов и азиатских эскимосов, затем подвергнута разносторонней критике так называемая теория «эскимосского клина», разобрана проблема этногенеза северо-восточных палеоазиатов и, наконец, поставлены и освещены некоторые вопросы антропологии эскимосов. Важнейшие выводы этой главы заключаются в том, что формирование камчатского типа было связано с территорией первоначального расселения северо-восточных палеоазиатов, а берингоморского типа — с областью раннего расселения предков эскимосов; внутренние районы Чукотского полуострова не входили первоначально в пределы этнической области чукчей; археологические данные свидетельствуют о том, что глубинные области Чукотки заселились из континентальных районов Сибири; юкагиры предшествовали здесь чукчам, и автор полагает, что примесь байкальского антропологического элемента у чукчей является результатом не только позднего смешения чукчей с ламутами, но и более раннего — с юкагирами. Автор подвергает весьма убедительной критике теорию «эскимосского клина», опираясь на А. М. Золотарева, Г. Ф. Дебеца, а также на ряд собственных соображений, частично высказанных им еще в 1949 г. М. Г. Левин категорически отрицает теорию, согласно которой эскимосы принесли в область Берингова моря свою культуру и свой антропологический тип откуда-то со стороны; эскимосы сформировались в результате сложных и длительных процессов в областях, примыкающих к Берингову морю, которые и следует считать «родной» эскимосов».

Как мы уже упомянули выше, пятая глава состоит из разделов, содержащих характеристику и анализ антропологического типа айнов, рассмотрение древних культур и палеоантропологических типов Японских островов и, наконец, обзор теорий о происхождении айнов. Эта глава содержит очень ценные материалы, как лично собранные автором, так и почерпнутые из литературных, в частности японских, источников. Автор доказывает путем детального анализа, что в составе айнов Сахалина можно проследить старую нивхскую примесь, а у айнов Хоккайдо — что представляет особый интерес, — японскую примесь. М. Г. Левин считает неубедительной гипотезу о том, что древнейшая керамическая культура Японии («протодзёмон») связана с неолитическими культурами Северной Азии, и склоняется к гипотезе о первоначальном заселении Японских островов с юга. Неолитические черепа населения Японии по основным признакам сближаются с айнскими. Это правильное положение автора приобщило бы большую наглядность, если бы данные по японским, айнским и неолитическим черепам были сведены в одной таблице или диаграмме.

Автор показывает несостоятельность теории о принадлежности айнов к европеоидам и, сближая айнский тип с полинезийским, присоединяется к теории генетического родства айнов с типами экваториального расового ствола. Монголоидные типы на Японских островах появляются вместе с распространением культуры яёй, сменившей неолитические культуры.

Большую ценность имеет приложение, заключающее в себе наиболее обширные в нашей литературе исследования антропологических типов корейцев и японцев. Этот раздел, не являясь органической частью всей книги, существенным образом ее дополняет, и его выводы особенно важны для понимания второй и пятой глав.

Следует особо отметить хорошее оформление книги. Чтение облегчается несколькими схематическими географическими картами, комбинационными полигонами, наконец, прекрасно подобранной серией из 12 портретов характерных представителей основных антропологических типов Сибири. Книга тщательно отредактирована. В тексте мало опечаток.

В целом книга М. Г. Левина заслуживает самой высокой оценки. Она — результат почти тридцатилетних полевых и лабораторных исследований автора, итог огромной работы над литературой, опыт действительно синтетического исследования, в котором, согласно традиции Анучинской школы, антропология, этнография и археология применены в качестве дополняющих друг друга источников изучения этногенеза.

Рецензируемая книга — важный этап в изучении антропологии и этногенеза народов Дальнего Востока и прилегающих областей. По широте поставленных задач, обилию материала, глубине и разносторонности его интерпретации она может считаться одним из крупнейших достижений в этнической антропологии за последние десятилетия.